

18+

Кренов Валерий

Уважение в НОЧНОЙ колоде

Ночь, где решается память

Кренов Валерий

**Уважение в ночной колоде.
Ночь, где решается память**

«Издательские решения»

Валерий К.

Уважение в ночной колоде. Ночь, где решается память /
К. Валерий — «Издательские решения»,

В провинциальном городке покупка духов пробуждает прошлое: режиссёр втягивается в сеть, где чужую память «воскрешают» ради зрелищ и власти; между искушением вернуть первую любовь и долгом перед семьёй он выбирает уважение как поступок. Текст содержит эротические сцены и мистику; рассчитан на взрослую аудиторию.

Уважение в ночной колоде Ночь, где решается память

Кренов Валерий

© Кренов Валерий, 2026

ISBN 978-5-0070-1816-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

Эта повесть — художественное произведение, созданное на основе сновидений и воображения автора; любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Текст содержит элементы мистики, эротики и психологического напряжения и предназначен для взрослой аудитории. Произведение не является пророчеством и не призывает к повторению описанных действий.

Оглавление

Пролог: Запах, который зацепил

Глава 1. Витрина на углу

1.1. Запахи и полки

1.2. Первая встреча с покупательницей

1.3. Линзы и цыганский наряд

Глава 2. Слухи и знакомые

2.1. Чат и пересуды

2.2. «Жена цыгана» — кто это сказал?

2.3. Намёки и отговорки

Глава 3. Флакон для жены

3.1. Выбор аромата

3.2. Оплата и улыбка продавщицы

3.3. Маленькое обещание гадания

Глава 4. Ночь после покупок

4.1. Аромат в доме

4.2. Сон, который начался внезапно

4.3. Первые обрывки видений

Глава 5. Бархатная комната

5.1. Вход и толпа теней

5.2. Стол, карты, свечи

5.3. Гадалка в линзах

Глава 6. Первая карта: любовь

6.1. Туз червей и его смысл

6.2. Влюблённые и их тени

6.3. Шёпот толпы

Глава 7. Маша из осени

7.1. Голос и силуэт

7.2. Воспоминание о встрече в институте

7.3. Её платье и запах дождя

Глава 8. Съёмки и ночи

8.1. Короткометражка в подвале

- 8.2. Камера, гримёрка, интим
- 8.3. Порывы и разрыв
- Глава 9. Ноябрьская авантюра
 - 9.1. Слухи о свадьбе
 - 9.2. Аварийная новость (слухи)
 - 9.3. Пустота и отсутствие
- Глава 10. Возвращение к витрине
 - 10.1. Поиски продавщицы
 - 10.2. Пустое место и приметы
 - 10.3. Разговор: «Она гадает»
- Глава 11. Карты вне сна
 - 11.1. Набор карт дома
 - 11.2. Совпадения с ночными раскладами
 - 11.3. Тревожные знаки в аромате
- Глава 12. Цена воспоминаний
 - 12.1. Что отдать за возвращение прошлого
 - 12.2. Игры сознания и вины
 - 12.3. Советы друзей и их страхи
- Глава 13. Машины снов
 - 13.1. Повторные визиты в красную комнату
 - 13.2. Эротика сна и реальное тело
 - 13.3. Муж-тень: кто он?
- Глава 14. Уважение после сна
 - 14.1. Слова гадалки и их вес
 - 14.2. Чувство стыда и благоговения
 - 14.3. Призыв: вернуть или отпустить
- Глава 15. Конфронтация в толпе
 - 15.1. Взгляды, которые ранят
 - 15.2. Последняя раскладка карт
 - 15.3. Решение Маши
- Глава 16. Реальность и пробуждение
 - 16.1. Утро с запахом духов
 - 16.2. Разговор с женой
 - 16.3. Попытка убрать следы
- Глава 17. Следы прошлого
 - 17.1. Старый подъезд и знакомые места
 - 17.2. Следы Маши в городе
 - 17.3. Письмо без подписи
- Глава 18. Последнее гадание
 - 18.1. Встреча с женщиной в наряде
 - 18.2. Карты, которые не лгут
 - 18.3. Условие отдачи
- Глава 19. Выбор между мирами
 - 19.1. Сомнения и оправдания
 - 19.2. Момент прикосновения
 - 19.3. Последствия решения
- Глава 20. Исход красной комнаты
 - 20.1. Заключительная раскладка
 - 20.2. Прощание с Машей

20.3. Последнее слово гадалки

Эпилог: Что осталось от сна

Благодарности

Введение. Уважение. В ночной холоде

Запах духов задержался на подушке, как воспоминание, которое отказывается уходить с рассветом. Ночной город спал тяжело, укутанный влажным воздухом и редкими фонарями, которые бросали на мокрый асфальт тонкие желтые лучи; в таких лучах вещи кажутся одновременно ближе и бесконечно далеко. Я проснулся от того, что ладонь сама потянулась к пустому месту рядом, проверяя, тёплая ли ещё чья-то кожа; только покрывало шуршало; только в коридоре тихо стучала батарея. Ванная зеркально отражала окно — и там, в отблеске стекла, мне показалось, что парфюм ещё висит в воздухе, как знак недосказанности.

Уважение — слово слишком сухое для того, что я чувствовал. Оно не вписывалось в рутину счастливых семей и не подходило под ярлыки постельных признаний; это был более тонкий, почти религиозный знак: признание другого человека живым, ценность его границ и память о прошлом, которой не место в обыденности. Ночью, когда тело просит продолжения и разум выдаёт сюжеты в черно-красных тонах, уважение превращается в испытание: отдаёшь ли ты прошлому право на место в настоящем, или отрезаешь его, чтобы не сгореть?

Её звали Маша. Она появлялась в моих снах, как актриса входит в кадр — не громко, без фанфар, но так, что камера вдруг фиксирует всё вокруг и перестаёт меблировать пространство по-старому. В жизни Маша была короткой главой: осенние вечера в общежитии, съёмки на старую камеру, запах смолы и дождя, побеги от скуки в гримёрку, когда стены дрожали от чьих-то реплик и от её смеха. Она умела смотреть так, будто знала цену каждому вздоху — и в этом была её сила и наказание. Та сила была близка к тому, что я теперь называл уважением: когда человек обращается с тобой не как со своей добычей, а как с уровнем света, который можно либо зажечь, либо оставить догорать.

В магазине, где я купил тот флакон, продавщица говорила о ней с придыханием и страхом, упоминая женщину в цыганском наряде и линзах, которая иногда приходила и говорила странные вещи. «Обрати внимание», — прошептал кто-то в чате знакомых; «она может погадать», — дописали другие. Но я не поверил в гадание — я не верю в простые ответы. Я верю в детали: в то, как женщина поправляет серьгу, в том, как носит сумку, в том, как молчит, когда ты произносишь её имя. Именно эти детали однажды и разбудили Машу в моих снах.

Ночная комната, где разыгрывался первый сон, была одновременно тесной и напыщенно большой: бархатные стены, свечи, полумрак и стол, раскрашенный картами. Там не было ни жалости, ни злобы — только коллективная потребность увидеть то, что уже случилось. Толпа вмещала чужих людей и собственные воспоминания; каждый приходил со своей тенью, чтобы обменять её на слышимость. Цыганка с линзами держала карты так, будто знала не только прошлое, но и то, как оно может изменить поток желания. Она не говорила прямо; её слова были как нож — аккуратно, но навсегда.

Уважение в этом сне проявлялось по-разному. Оно было в том, как Маша представляла своего мужа — не с презрением, а с каким-то странным, почти священным признанием, что это не её роль выбрала, а она его применила. Оно было в том, как я смотрел на неё: с прошлым, которое требовало возмездия, и с настоящим, который требовал тишины. И, что важнее, уважение было поставлено на паузу гадалкой: «Уважения после сна», — произнесла она, и слова прозвучали как условие сделки, где ты либо платишь, либо остаёшься ни с чем.

Персонажи, которые вскоре станут действовать: я — рассказчик, человек среднего возраста, умеющий наблюдать и бояться собственных желаний; жена — тихая, прагматичная, та, ради которой я купил духи; Маша — первая любовь, вспышка прошлого, теперь призрак, который либо пробуждает что-то, либо убивает мирной тишине; цыганка — фигура-provokator,

которая может открыть дверцу между сном и явью; и муж-тень Маши — свидетель и преграда одновременно, тот, чей силуэт в моих снах оказывается камнем преткновения.

Этот рассказ — не поиск правды, а исследование границы между уважением и собственничеством, памятью и настоящим, желанием и честью. В ночной холоде, когда всё кажется податливым, уважение — это та редкая вещь, которую сложно купить, нельзя вернуть и легко разрушить. Именно этот конфликт и станет мотором истории: можно ли жить дальше с воспоминанием, которое просит другого тела, или нужно отпустить даже то, что когда-то было твоим самым ярким светом?

Первый шаг — признать свою слабость. Второй — решить, как расплатиться: рассказом, забвением, броском к гадалке или к жене. Третий — понять последствия: чьи границы ты нарушаешь, и кто потребует уважения в ответ.

Ночь ещё не закончилась. Карты лежат на столе. Я беру одну в руки и смотрю на туз червей — он кажется знакомым, как отпечаток пальца, оставленный в прошлом. Что он обещает — любовь, предательство или возвращение? Ветер за окном приносит отголоски театральных реплик и чужих шагов. И где-то там, в полутьме, Маша улыбается так, будто знает уже ответ.

Глава 1. Витрина на углу

Небольшой магазин на углу всегда казался мне неким порталом — не потому, что там продавали какие-то особенные вещи, а потому что его витрина умела задерживать взгляды прохожих, как будто приглашая на минуту остановиться от собственной жизни. Стекло было слегка матовым, логотип у окна — золотыми буквами, слегка стертый дождём, а внутри, между флаконами и коробочками, расставлены были свечи, грелки для рук и фотографии старых театральных афиш. Запахи в этом месте никогда не шли по правилам: одновременно мягкий мускус, горечь хвои и пряная горчинка ладана, как будто в каждом флаконе хранилась чья-то история.

Я зашёл туда поздним днем, чтобы купить подарок для жены — что-то тёплое, без навязчивой сладости. Мы давно учили друг друга нюансам: она — практичная, я — собиратель редких раздражителей для наших вечеров. Внутри было тихо; продавщица за прилавком складывала этикетки, морщинила лоб и улыбалась так, будто знала цену каждой бутылочки. Но за ее спиной, как внезапный вспышка из другого мира, стояла женщина, которую вскоре начнут обсуждать во всех соседних чатах.

Она была одета в цыганский наряд так, как будто пришла с карнавала старой Европы: многослойная юбка, обильно украшенная вышивкой, на руках — тяжёлые браслеты, которые звякали при каждом её движении. На шее — два длинных кулона, один из них — родимое пятно серебра, другой — темный камень, как застывшая ночь. Но самое необычное — её глаза. Они казались чужими: не естественный цвет, а блеск линз, который ловил свет и возвращал его искажённой гривой. Сначала я подумал, что это декоративные линзы — эффектное дополнение к образу — но взгляд, который она мне подарила, не был сценическим; он был направлен внутрь, как у человека, который видит не витрину, а историю того, кто смотрит.

— Помогу? — продавщица улыбнулась мне. Её голос был знакомым, без спешки. — Подбираете для подарка?

Я кивнул, чуть смущённый тем, что чувствовал себя будто нарушителем чужих театральных репетиций.

Пока она подбирала варианты, поблизости раздавались разговоры. Женщина в цыганском наряде говорила тихо, но отчётливо, к кому-то из знакомых; тон её голоса был ровный, усыпанный уверенной загадкой. Кто-то в магазине слушал, кто-то делал вид, что не слушает — город так устроен: любопытство и маскируемое равнодушие соседствуют в одном дыхании.

— Она у нас недавно, — прошептала продавщица, когда поставила на прилавок несколько пробников. — Гадает иногда. Говорят — жена одного из местных. Не наш человек, если честно.

«Обрати внимание на покупательницу», — подумал я, вспоминая чьи-то заигрывающие сообщения в мессенджере про ту же самую женщину. «Может, погадает», — добавлял внутренний голос, и в этом была не шутка, а странное приглашение к чему-то, что я и сам не понимал.

Я выбрал флакон с деревянистым шлейфом, не слишком дорогой, но с характером — аромат, который мог бы сидеть на ней и не мешать нашему совместному молчанию за ужином. Платёж прошёл, и женщина в цыганском наряде повернулась ко мне, будто только теперь заметив. Её линзы поймали свет и отразили его в мою сторону; на секунду мне показалось, что в них мелькнуло — не сон ли? — женское лицо из моего прошлого.

— Хотите, я погадаю? — спросила она внезапно, так спокойно, что в словах не было давления, а только фактическое предложение услуги. Её голос не показывал ни угрозы, ни обещания; он был нейтральным, как выбор между двумя дверями.

Я рассмеялся, сначала от лёгкой неловкости, потом от того, что в глубине души действительно хотелось узнать: зачем она пришла мне в сон и почему этот запах, который теперь висел в моей голове, точился как заноза.

— Нет, спасибо, — ответил я, и улыбка продавщицы была мягкой, как прощание. — Это подарок жене.

Я вышел на улицу, в ту же серую теплоту города, где дети катались на грязных велосипедах, а маршрутки гудели, словно старые тормоза. Запах духов всё ещё сидел в моём пальто, как след. В тот вечер жена нанесла аромат на шею, вздохнула и сказала: «Тяжеловато, но тебе нравится». Я не сказал, что меня беспокоит не столько аромат, сколько ощущение, что кто-то переслал мою память в другой почтовый ящик.

В ту ночь сон пришёл не как пунктир, а как грозовой фронт.

Комната, в которую я попал, была обшита бархатом тёмно-бордового цвета; свет от свечей делал швы на стенах ещё глубже, а воздух был густ и пах пряностями и дымом. Стол в центре был круглый, покрыт черным сукном, на котором лежали карты — не те старые, которые я видел в детстве, а какие-то новые, с рисунками, вызывающими желание узнать побольше. За столом была она — женщина в цыганском наряде, та самая; вокруг стояли люди, которых я не узнавал, но их лица были знакомы по тем временам, когда я был моложе и менее осторожен: режиссёры, актёры, случайные друзья, которые теперь казались тенями. Кто-то шептал, кто-то вздыхал, кто-то тихо смеялся — и всё это давало ощущение, что именно здесь решаются какие-то важные дела, которые по сути своей были не более чем обменом памяти на внимание.

Она взяла карты, перемешала их так, будто тасовала судьбы, и посмотрела прямо на меня.

— Ты же хотел, чтоб погадали, — сказала она не вопросом, а утверждением. — Первая карта — любовь.

Толпа как будто напряглась; кто-то пригнулся ближе, словно почувствовал, что сейчас начнётся ключевой сюжет. Я почувствовал, как в груди забился старый, знакомый ритм — тот, что настукивал в тот октябрь, когда Маша впервые вошла в мою жизнь.

Маша появилась не из тумана, а как свет в проёме двери. Она была молодой, но словно стиснута временем; платье её было простым, волосы — влажные от осеннего ветра, и в глазах — тот самый горьковатый блеск, который я помнил с университета. Она представляла своего мужа: рядом с ней стоял силуэт — высокий, в тёмном пиджаке, лицо скрыто тенью. Но Маша смотрела на меня иначе: не обвинённо, не с просьбой, а так, как может смотреть только тот, кто знает цену чужой памяти.

Я хотел подойти, заговорить, вспомнить что-то точное и без боли. Но у меня дрожали руки. Я чувствовал, как пропасть между нами растёт не потому, что она ушла, а потому, что

я позволил этому прошлому превратиться в нечто запретное. Ни сожаление, ни признание не могли объяснить, почему я столько лет не думал о ней. А теперь, в этой комнате, где карты раздували тепло свечей, уважение приняло форму теста: уважать ли тот образ Маши, который жил в моей голове, или отдать ей право быть самой собой, даже если она не вернётся в мир, который мы делили.

— Что означает «уважение после сна»? — прорвалось у меня в голос, возможно громче, чем следовало.

Цыганка улыбнулась и положила передо мной карту — туз червей. Его линия на карте была глубокая, словно вырезанная. Она провела пальцем по краю карты, и в её движении не было лжи.

— Это условие, — тихо сказала она. — Уважение — это плата. Ваша память хочет жить, но живёт она только тогда, когда её оставляют в покое. Если вернёте её силой — заплатите чужим покоем. Если отпустите — потеряете то, что держало вас в прошлом. Выбор — твой.

Слова звучали просто, но в них был упрёк и вызов. Я вспомнил ночи с Машей: запах мокрой брусчатки, звук запираемой двери внутреннего двора, её руки, которые умели и ласкать, и наносить небольшие удары ладонью — не от злости, а от желания вернуть внимание. Вспомнил съёмки короткометражки, где камера ловила её лицо так, будто это был последний кадр на свете. Вспомнил, как она говорила: «Ты мой режиссёр», и в этом были просьба и обещание.

Я проснулся уже с ощущением, что границы размыты. В комнате было холодно; подушка пахла не тем ароматом, который мы купили, а чем-то иным — как будто духи всё ещё держали в себе остатки чужого взгляда. Жена спала рядом, и её дыхание было ровным; на её щеках играла тень от ночной лампы. Я лежал и думал: как поступить, когда память превращается в зов, а зов в требование? Как уважать любовь, которая теперь, возможно, принадлежит не миру живых?

Утром я пошёл снова на тот самый угол. Магазин выглядел так же, но уже с другой стороны — как место, где можно обменять то, что дорого, на то, что нужно. Витрина была пустее; та женщина в цыганском наряде уже не стояла у прилавка. Продавщица рассказала мне, что она приходит редко, иногда уезжает на долгие периоды, и что у неё есть муж, но люди в округе говорят мало и подозрительно. Кто-то утверждал, что она умеет видеть мёртвых, кто-то — что это обычно просто театр.

Я ушёл, держа в кармане пустую надежду и некий страх — страх того, что уважение, о котором говорила цыганка, может потребовать платы, которую нельзя будет дать.

Персонажи в этой главе ещё только расставляют свои фигуры. Жена — спокойная и прагматичная, но с терпением, которое иногда превращается в равнодушие; Маша — вспышка прошлого, женщина, чья память держит меня в плену; цыганка — провокатор, каталист, способный открыть те двери, которыми лучше не трогать; я — рассказчик, человек, у которого есть семья и тайна, и который стоит перед выбором: отплатить уважением или разрушить то, что осталось от прежних лет.

Закрыв дверь магазина за собой в очередной раз, я понял: история началась не в тот день, когда я вошёл за флаконом духов, а гораздо раньше — в тех осенних вечерах, когда всё казалось возможным. Но теперь дилемма стала предметом повседневности: как жить дальше, если прошлое стучится в окно и требует внимания? И самое главное — смогу ли я сохранить уважение к тем, кого любил, не разрушив при этом мир, который был построен давно и аккуратно?

Глава 2. Нити, что не рвутся

Утро казалось слишком ровным после той ночи; город лениво просыпался, а я всё ещё слышал отголоски бархатной комнаты, словно чей-то магнит, оставшийся приклеенным к коже. В кухне жена ставила чайник — её движения были отточены годами, она знала, как мне нравится крепкий чай с лимоном, и никогда не задавала вопросов, когда я задерживался на

работе. Её имя — Ольга; в разговорах с друзьями оно всегда звучало как «жена», но дома оно было другим: мягким, привычным, иногда строгим. Она работала учителем, и в её руках даже мел казался инструментом спокойствия. Её сила была в терпении; её слабость — в нерешительности смотреть в те углы нашей жизни, где возникали трудности.

— Ты не уснул? — спросила она, не поворачиваясь, и я услышал, как её голос натягивает нитку привычного утра.

— Нет, — отозвался я, стараясь, чтобы в слове не было лжи. — Сон странный.

Она подошла ближе, и я увидел ту же тень от лампы на её щеке, ту же привычную линию на лбу, которая появляется, когда она думает о школьных документах. Ольга понимала многое без слов; иногда мне казалось, что она владеет картой моего состояния лучше, чем я сам. Но с Машей было иначе — с Машей были другие координаты, ориентиры, которые она не читала.

— Ты выглядишь усталым, — сказала она, осторожно взглянув на меня. — Может, кофе?

Я отказался, потому что в голове всё ещё играла сцена: бархат, карты, Маша в дверях. Я хотел рассказать, но слова о прошлой любви звучали предательски; как признание, что в моём сердце был чулан, в который иногда заходил чужой свет. Вместо правды я сказал — «пустяки», и она кивнула, не настаивая. И это было её способом любить: позволять тайнам оставаться тайнами, если они не ломают повседневную жизнь.

Дальше я встретился с Серёжей — старым другом с института, который теперь снимает рекламные ролики и любит жаловаться на продюсеров. Он был одним из тех, кто мог прокомментировать всё и вся; у него была привычка вмешиваться в чужие судьбы через шутки и мудрёные рассуждения. Мы встретились в старой кафешке, где раньше пили дешёвый эспрессо и ели пирожки с капустой перед ночными репетициями.

— Ты как? — спросил он, потягивая кофе.

— Спокойно, — ответил я, но сразу добавил: — Был в том магазине на углу. Видел женщину в цыганском наряде.

Серёжа ухмыльнулся, и в этой ухмылке скользнула доля сомнения.

— Ах да, про неё все говорят. Умеет гадать, говорят. Но ты же не в это веришь, правда? — он подмигнул.

Я заметил, как в его взгляде мелькнула ирония и интерес одновременно; он всегда любил истории, где можно устроить драму для съёмки. Но в его словах не было злобы; скорее, любопытство коллеги, который видит в картинке возможность.

— Нет, — сказал я коротко. — Мне это неинтересно.

Серёжа задумчиво поставил чашку на стол.

— Знаешь, иногда прошлое возвращается не потому, что хочет, а потому, что ему что-то нужно. Может, ты ему ещё что-то должен.

Слова легли тяжело. Они напомнили мне о том, что в свои молодые годы я оставил Маше обещание — не киношное, не громкое, а простое: «Не теряйся». Тогда это было шуткой; сейчас эта фраза звучала как нитка, которую кто-то дернул с другой стороны комнаты.

Вечером я решил пройти по знакомым улицам — те места, где мы с Машей бродили, где снимали эскизы для той короткометражки. Осенние дворы, облезлые подъезды, старые фонари — всё это было частью другой эпохи, но память удерживала их в кристаллизованном виде. Я зашёл в подъезд, где когда-то жили студенты, и на стене увидел выцвевший плакат со старой премьерой. Магазин с духами оказался не единственным местом, где мелькали следы чужой истории; в каждом дворе сидела своя тайна.

Прошное, казалось, не требовало знания — оно требовало внимания. В том подъезде я нашёл небольшой листок бумаги, зажатый под камнем у порога: аккуратно написанное имя — «Маша». Сердце ушло в пятки; листок был, как пощёчина от судьбы. Я взял его, развернул; внутри была пара строк, неровный почерк и фраза: «Не ищи, если не готов». Это мог быть чей-то розыгрыш, но для меня это был знак, который стал началом.

Я позвонил Серёже.

— Встретимся завтра? — спросил я, пытаюсь слышать ровный голос.

— Конечно. Похоже, камера попросила новую тему, — ответил он с предвкушением.

На следующий день я встретился с Ольгой в парке, чтобы обсудить мелочи нашей жизни — ремонт, счета, планы на отпуск — и одновременно пытался понять, стоит ли говорить ей правду. Ольга заметила моё отвлечённое состояние и прямо спросила:

— Ты где был вчера так долго?

Её взгляд был ровным, без упреков. Я рассказал укороченную правду — что гулял, что думал о старых временах; не сказал о листке и не стал упоминать цыганку. Но её интуиция, как и прежде, подсказывала: она знала, что я скрываю что-то большее. Она взяла мою руку и сжала её, как будто напоминая: в конечном счёте, здесь и сейчас — мы.

— Если хочешь, скажешь мне всё, — сказала она тихо. — Или не скажешь. Я не люблю, когда в доме появляются привнесённые вещи.

Её слова были одновременно просьбой и приказом. Я задумался: быть честным было бы легче, но правда — это нож, который может ранить. Я выбрал удержание: сказал, что это просто воспоминания, и она приняла это, но с тем же тембром, который означал: держи границы интеллигентно.

Тем временем Серёжа уговорил меня на встречу с женщиной — знакомой, которая когда-то подрабатывала на массовках и знала Машу. Её зовут Ирина. Она была живым архивом — помнила даты, лица, маленькие интриги и большие падения. В её рассказах Маша ожила: не только как лицо из кадра, но как женщина со слабостями и достоинствами; та, которая могла плакать, смеяться и бросать вызов одновременно.

— Она ушла за лучшей жизнью, — сказала Ирина, пока мы сидели в её кухне и пили горький кофе. — Вышла замуж за кого-то приличного. Уезжала, плакала, обещала, что вернётся. Но потом были слухи о ДТП, о госпиталях. Люди стали говорить, что в ноябре её как будто бы не стало. Но слухи — это пыль; настоящая история где-то между строк.

Ирина положила на стол старую фотографию: Маша с игривой улыбкой, в куртке, на фоне серого двора. На задней стороне фотографии были чернилами слова: «Не теряйся». Сердце снова подергнулось.

— Почему ты всё ещё думаешь о ней? — спросила Ирина, неловко сжимая руки.

— Потому что сейчас кто-то снова заставил меня вспомнить, — ответил я. — И этот кто-то пришёл с запахом.

Ирина посмотрела на меня так, будто пыталась заглянуть внутрь моей головы.

— Запахи — хитрая штука. Они возвращают сразу всё — и память, и тело. Но будь осторожен: не все возвращаются, чтобы жить с нами в одном мире.

Возвращение к дому после этих встреч было тихим. Я вошёл, снял пальто и будто бы заново ощутил его пустоту. Ольга уже готовила ужин; на столе стояла простая еда, но в её глазах читалось желание доверия и расчёта. Я думал о листке с именем, о словах цыганки и о фотографиях Ирины. Всё сводилось к одному: прошлое просило входной билет. И билет, по словам гадалки, стоил уважения.

В ту ночь я снова увидел бархатную комнату, но теперь сцены были длиннее, и в них появлялась не только Маша, но и тот, кого она называла мужем. Его силуэт становился осязаемым: ремень на ноге, слегка сутулые плечи, запах сигарет, который проскальзывал в его образе, как неправильно выбранный аккорд в песне. Он не говорил в моём сне; его роль была в том, чтобы присутствовать — быть наличием, которое мешает и, возможно, защищает.

Маша была близка и далека одновременно. Её голос иногда был добр и нежителен, иногда — остекленел от усталости. В одном из снов она шепнула: «Уважение — не то, что ты даёшь звездным ночам; уважение — то, что ты оставляешь у живого человека». И в этом было всё:

она просила не захватывать её воспоминание силой; не превращать память в объект. Это требование уважения стало центром моего внутреннего конфликта.

Глава закончилась тем, что утром я просыпался с ощущением долга — не долга к Маше как к возлюбленной, а долга перед собственным прошлым и перед теми, кого я мог ранить, если начну вытаскивать воспоминания наружу. Я понимал, что история только начинается; что впереди — встреча с цыганкой лицом к лицу, разговор с Ольгой о правде и, возможно, выбор, который потребует жертвы.

Глава 3. Часы гадалки

Я возвращался в магазин с намерением разобраться — не в картах, а в себе. В голове всё ещё жила та фраза: «Уважения после сна». Казалось, что кто-то поставил на меня счетчик: либо я заплачу уважением, либо потеряю то, что уже давно перестало быть моим. Мне хотелось понять, что именно предлагает женщина в цыганском платье: простую сцену или серьезную сделку.

Магазин был почти пуст; на полках — те же флаконы, те же марки, те же мелочи, которые в обычный день казались защитой от чужих историй. Продавщицы не было — она, как позже выяснилось, заняла перерыв. За прилавком стояла та самая женщина; она не выглядела удивлённой моему приходу, словно ожидала. Её браслеты звенели тихо, а линзы ловили свет таким образом, что в них не отражалось ничего лишнего.

— Ты снова, — произнесла она, не поднимая голоса. — Внутри тебя тепло от воспоминаний или холод от сожалений?

Я вздохнул и сел на стул рядом со столом, где прежде лежали карты.

— И то, и другое, — признался я. — Хочу понять, что ты имела в виду насчёт уважения.

Она медленно перемешала колоду, не глядя на карты, а скорее слушая их. Её руки знали ритм — движения мастера, который давно привык работать с чужими судьбами.

— Уважение — это не просто слово, — ответила она. — Это плата за то, чтобы память оставалась живой и не превращалась в манекен. Ты держишь Машу в витрине своей головы, но витрина — не её дом. Если ты откроешь её на всеобщее обозрение, многие пострадают. Если оставишь — сам останешься в плену. Я не даю ответов, я показываю зеркала.

Я попытался представить: как можно «отдать уважение», не потеряв при этом самого себя. Вспомнил Ольгу и её тёплую ровность; представил, как её глаза сжимаются от боли, если я поведу себя нечестно. Гадалка будто читала мои мысли:

— Ты боишься принять ответственность, — сказала она спокойно. — Боишься, что уважение требует уплаты не только воспоминаниями, но и поступками.

В её голосе не было упрёка. Было понимание, которое напрягало сильнее, чем обвинение.

— Что ты хочешь от меня? — спросил я прямо.

Она посмотрела мне в глаза, и в её линзах мелькнул маленький знак — не пророчество, скорее приглашение.

— Сделай выбор, — ответила она. — Либо ты оставляешь Машу в покое и живёшь дальше, но с честью перед собой и перед теми, кого любил; либо пытаешься вернуть её силой воспоминаний и тогда платишь чужим покоем. Или третий путь — узнать, что реально, и что — нет. Но третий путь дороже всех: он требует прохода через пепел и свет.

Я ощущал, как внутри что-то переворачивается. Она не предлагала лёгких решений; она предлагала испытание. Я вышел из магазина с новой ясностью: выбор не про то, верю ли я в гадание, а про то, готов ли я расплатиться за собственные поступки.

Чтобы понять дальше, я решил встретиться с Игорем — человеком, который работал с Машей на съёмках, оператором, другая половина нашей короткометражной команды. Игорь был человеком резким и честным; он знал, как важна правдивость кадров: либо сцена живёт, либо нет.

— Она была особенная, — сказал он, когда мы встретились в его мастерской, где стены были уставлены камерами и светильниками. — Но не так, как в романах. Она умела брать инициативу, дерзить, играть. Но у неё был предел — она не была из тех, кто готов менять жизнь ради ролей.

Игорь показал мне записи съёмок — короткие клипы, где Маша смеялась, репетировала монологи, шла по двору. В каждом кадре был её взгляд — тот, который я помнил. Но в одном из роликов было нечто иное: фрагмент, где она читает письмо и на секунду исчезает взгляд, как будто внутри неё что-то ломалось.

— Видишь? — прошептал Игорь. — Там был момент, где она знала, что уход оставит след. Мы все тогда были молоды и думали, что сможем вернуть друг друга простым звонком. Но жизнь не терпит реприз.

После этого просмотра я снова почувствовал тяжесть: не столько из-за утраты, сколько из-за вопросов, которые не имеют ответов. Если Маша действительно «не в нашем мире», то что мне остаётся? И если она жива где-то иначе, то право ли мне вмешиваться?

Тем временем отношения с Ольгой складывались в тихую драму: она ощущала моё внутреннее расстояние и иногда ловила меня на том, что я смотрю в пространство с равнодушием. Однажды вечером она положила руку мне на плечо и сказала:

— Я не хочу быть соперницей с прошлым. Но и не терплю, когда оно становится чем-то, что живёт между нами.

Её слова были точнее любых гаданий. В них была просьба о границе, о честности. Я понимал: сохранить уважение к Маше означало не причинять боли тому, кто со мной сейчас.

Недели шли, и ночные видения становились меньше театральными и больше интимными: Маша не просто появлялась в толпе, она шептала мне фразы, которые были похожи на отрывки из нашей молодости. Я пытался записывать их в блокнот — мелкие детали, запахи, реплики — как будто собирал доказательства реальности. Но чем больше я фиксировал, тем более неизбежно казалось, что память — это автономная сила, способная перерасти в культ, если её не ограничивать.

Однажды на почте я получил конверт без указания отправителя. Внутри — фото, на котором Маша стоит у стены старого дома, и на обороте короткая записка: «Не все, что вернулось, принадлежит живым». Сердце сжалось. Фото было старым, желтоватым по краям, но лицо Маши было свежим, как будто только что снятое. Кто прислал? Почему и с каким намерением?

Я отнёс фотографию к Игорю. Он изучил её и покачал головой.

— Это не фейк, — сказал он. — Кто-то знает, как ты любил её. Кто-то хочет, чтобы ты снова начал искать.

По мере того, как следы прошлого множились, я осознавал, что уважение — не только слово гадалки. Это требование, которое предъявляют не только те, кто ушёл, но и те, кто остался. В этой ситуации каждая моя попытка «исправить» что-то могла бы быть насилием над чужой историей и над нынешней жизнью. Я понял: решение не в том, чтобы «вернуть» Машу любой ценой, а в том, чтобы определить, какой способ обращения с памятью честен перед всеми участниками.

Глава 3 закончилась тем, что я принял решение: не делать резких движений, но и не оставаться пассивным. Я договорился с собой: выяснять правду осторожно — через друзей, документы, старые съёмки — и одновременно не выдавать свои поиски тем, кто может пострадать. Это был компромисс, но компромисс — форма уважения тоже: к памяти, к жене, к себе.

Глава 4. Последняя встреча с гадалкой

Магазин казался другим — если раньше это было место обмена ароматов, то теперь он превратился в транслятор историй: запахи висели в воздухе, как ноты, а кресла у прилавка

становились трибуной для тех, кто готов услышать. Я вошёл без особого намерения: просто чтобы снова посмотреть ей в глаза и понять, где проходит граница между её играми и тем, что она действительно умеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.